

Энн Перри Находка на Калландер-сквер

Глава 1

Осенний воздух был пропитан сыростью уже едва различимого тумана. Трава на Калландер-сквер, освещенная послеполуденным солнцем, покрылась желтыми пятнами упавших листьев. В небольшом садике в центре площади стояли двое мужчин с лопатами, устремив взгляд в неглубокую яму. Тот, что повыше, наклонился и опустил руки в сырую почву, что-то выискивая. Наконец осторожно поднял маленькую косточку.

Другой мужчина шумно выдохнул.

– Ну, и чья же это, по-твоему? Слишком большая для птичьей.

– Домашнее животное, – ответил первый. – Кто-то похоронил собаку, навряд ли того. Невысокий покачал головой.

– Так они не поступают. – Он выглядел убого на фоне бледных фасадов и суровой элегантности возвышающихся позади осыпающихся берез и лип. – У них есть специальные садики для таких нужд. Они это дело уважают.

– Наверное, это была маленькая собачка. – Высокий вертел кость в руке. – Или, может быть, кошка.

– Скажешь тоже – «кошка»! Не выдумывай. Джентльмены не держат кошек, а дамы не копаются в саду. Они не умеют пользоваться лопатой.

– Должно быть, это сделал слуга. Скорее всего, повар.

– И все-таки так не поступают. – Невысокий со значением покачал головой. – Ну, насчет зверья всякого. Домашнее животное, которое исправно несло службу в доме, должно быть похоронено соответственно: не в том месте, где люди могут прийти и выкопать его, вот как сейчас.

– Им, пожалуй, и в голову не пришло, что мы вздумаем здесь рыться. Много лет прошло с тех пор, как в этом месте в последний раз вскапывали землю. Мы бы и сейчас не стали этого делать, если бы нам не всучили этот куст.

– Лучше бы мы посадили его где-нибудь еще – к примеру, немного левее, – и пусть бы бедняга покоился с миром. Нехорошо беспокоить мертвых, даже животных. Скорее всего, кто-то позаботился о своем питомце, который исправно ловил мышей на кухне.

– Мы не можем посадить куст слева, остопоп! Иначе погубим форсицию.

– Попродержи свой язык!.. Ну, тогда посади его справа.

– Не могу. Здесь разросся родо... как его там... Прямо с дом вырос. Придется посадить его здесь.

– Тогда давай похороним кота под родо... как его там?.. Ты его вырой аккуратненько, а я устрою ему почетные похороны.

– Верно. – Мужчина примерился лопатой к тому месту, где, как он предполагал, заканчивается тушка, чтобы после ее можно было вынуть целиком, и всадил острие в землю. Мягкий чернозем и сгнившие листья легко поддались, и земля была вынута. Двое мужчин устали на содержимое лопаты.

– Боже всемогущий! – Лопата выпала из рук того, кто раскапывал яму. – Господи, спаси нас!

– Что... что это?

– Это не кот. Я... я думаю, это ребенок.

– Мать Божья! Что нам делать?

– Мы должны вызвать полицию.

– Точно.

Он положил лопату на землю медленно и очень осторожно, как будто это теперь имело какое-то значение.

– Ты пойдешь? – взглянул на него напарник.

– Не, я останусь здесь. Ты пойдешь и приведешь полицейского. И поторопись! Скоро стемнеет.

– Да-да, уже бегу!

Рабочий почувствовал большое облегчение, когда нашлось срочное дело. Но больше всего его радовало то, что это дело уводило его от ямы в земле и от месива на лопате.

Молодой полицейский был новичком в своей работе. Большие фешенебельные кварталы внушали ему благоговейный страх своими красивыми экипажами, ливрейными лакеями под стать им и армией слуг. Он чувствовал себя косноязычным, когда приходилось говорить с величественным дворецким, раздражительным поваром или с опрятными горничными. Вот мальчишки-коридорные, посудомойки или молоденькие служанки – те больше подходили ему по положению.

Когда он увидел яму в земле и находку садовников, то сразу же понял, что это не в его компетенции. С ужасом и облегчением он велел садовникам находиться там, где они были, и ничего не трогать. А сам бросился со всех ног в полицейский участок, чтобы передать информацию своему начальнику – инспектору.

В сильном возбуждении, забыв об уставном порядке, парень ворвался в участок:

– Мистер Питт!.. Сэр!.. Мистер Питт! Произошел ужасный случай, сэр... смертельный случай!

Томас Питт, высокий улыбчивый мужчина с длинным искривленным носом, стоял у окна. Выглядел он довольно заурядно, но, хотя и был невероятно неопрятен, его лицо выдавало интеллигентность и ум. Он приподнял брови, взглянув на ворвавшегося полицейского, и спросил мягким приятным голосом:

– Что за смертельный случай, МакБит?

Полицейский задыхался. Из-за сбивчивого дыхания он не мог говорить складно:

– Тело... сэр. На Калландер-сквер. Жалкое, сэр... оно. Они только что нашли его... садовники... выкопали. В середине. Сажали дерево или что-то еще.

От удивления Питт поморщился:

– Калландер-сквер? Ты уверен? Ничего не напутал?

– Да, сэр. Нет, сэр, прямо в центре. На Калландер-сквер, сэр. Я уверен. Пойдите туда и посмотрите сами.

– Похоронено тело? – Питт нахмурился. – Что за тело?

– Это ребенок, сэр. – МакБит закрыл глаза и неожиданно стал выглядеть очень жалко. – Очень маленький ребенок, сэр... новорожденный... я думаю. Напоминает мою сестренку, когда она родилась.

Питт задержал дыхание. Медленно выдохнул.

– Сержант Бэйти! – позвал он громко.

Дверь приотворилась, и в комнату заглянул мужчина в форме:

– Да, сэр?

– Возьми карету «Скорой помощи» и доктора Стилвела, и поезжайте на Калландер-сквер.

– На кого-то напали, сэр? – Лицо сержанта сияло. – Ограбили?

– Нет. Вероятнее всего, простая домашняя трагедия.

– Простая домашняя трагедия? – От ярости МакБит перешел на крик. – Это же убийство!

Бэйти уставился на него.

– Думаю, что нет, – пожал плечами Питт. – Вероятно, соблазненная служанка скрывала свою беременность, тайно от всех родила, а затем ребенок умер. Она похоронила его и никому об этом не сказала. Переживает свое горе в одиночку, чтобы не быть выброшенной на улицу и не остаться без работы. На большее у нее не хватило характера. Такое случается бог знает как часто.

МакБит выглядел подавленным.

– Вы так думаете, сэр?

– Не знаю, – ответил Питт, направляясь к двери. – Но такое происходит не в первый и не в последний раз. Давай лучше пойдем туда и сами все увидим.

Все остальное происходило буквально за полчаса до наступления темноты. Внимательно разглядывая маленькое тельце, Питт потыкал палкой в рыхлую землю в поисках того, что могло бы помочь идентифицировать тело, и нашел еще одно изувеченное мертвое тельце. Он отослал доктора и карету «Скорой помощи» с двумя жуткими находками, а трясущегося и побледневшего МакБита отправил домой. Затем Бэйти и его команда оцепили сад, выставив охрану.

Питту больше нечего здесь было делать, тем более ночью, до тех пор, пока доктор не даст хоть какую-то информацию: примерный возраст младенцев и как давно они умерли, если это возможно установить. Также важно узнать, что случилось со вторым младенцем, захороненным глубже, и чем вызвана деформация его черепа. Глупо надеяться, что инспектор получит ответы на все вопросы сегодня.

Уже совсем стемнело, и липкая сырость от густого тумана висела в воздухе, когда Питт подошел к дому. Приветливо светили желтые газовые фонари, обещая уют и тепло не только продрогшему телу, но также уставшему уму и утомленной душе.

Томас вошел в дом с чувством удовлетворения, которое не покидало его вот уже без малого два года его женитьбы. Весной 1881 года его вызвали для расследования ужасного преступления на Кейтер-стрит. Серийный убийца душил молодых женщин металлической проволокой и оставлял их тела с разбухшими лицами на темных улицах. При таких страшных обстоятельствах Питт и познакомился с Шарлоттой Эллисон.

Разумеется, в то время она обращалась к нему с величественной холодностью, как любая девушка из высшего круга обращалась бы с полицейским, который стоит на социальной лестнице ниже дворецкого. Но вместе с тем Шарлотта отличалась необыкновенной порядочностью не только по отношению к другим, но и к самой себе. Презрев социальные условности, она смогла полюбить Питта и нашла в себе смелость бросить вызов установленным порядкам и выйти за него замуж.

Они жили очень бедно, особенно по сравнению с тем комфортом, которым Шарлотта была окружена в доме отца. Но она с присущей ей изобретательностью вполне обходилась без тех маленьких символов социального статуса, без которых ее бывшие друзья чувствовали бы себя обездоленными. Порой, когда Томас слишком огорчался по этому поводу, Шарлотта шутила, говоря, что отказ от постоянного притворства доставляет ей удовольствие. Возможно, так оно и было.

Жена вышла к нему из небольшой гостиной, скромно обставленной полированной мебелью. Единственным украшением были осенние цветы в стеклянной вазе. На Шарлотте было платье цвета красного вина, одно из тех, что были у нее еще до свадьбы, и к этому времени несколько вышедшее из моды. Ее лицо сияло, а свет лампы высвечивал красно-рыжие тона ее волос.

Увидев жену, Питт сразу же почувствовал прилив радости и возбуждения. Он бросился к ней, чтобы обнять и поцеловать.

После жарких объятий Шарлотта отклонилась от мужа и подозрительно посмотрела ему в лицо.

– Что произошло? – спросила она. В ее голосе звучало беспокойство.

Из-за бурной встречи, объятий и поцелуев Томас совсем забыл о Калландер-сквер. Теперь недавние события снова всплыли в памяти. Он не станет рассказывать жене об этом. После Кейтер-стрит, где происходили жуткие события, которые Шарлотта долго не могла забыть, не следует волновать ее нынешними страшными деталями. Она сразу представит картину: маленькие тельца, убийство, простая житейская трагедия – боль, одиночество, отчаяние, овладевшее молодой матерью... Ни к чему ей эти переживания.

– Что произошло? – повторила Шарлотта.

Питт обнял жену и развернул ее обратно к гостиной, хотя для столь маленького дома подошло бы менее претенциозное название – например, общая комната.

– Обычное дело, – ответил он, – на Калландер-сквер. Вероятно, ничего особенного, но расследование может оказаться довольно скучным. Кстати, что у нас на ужин? Я весь день пробыл на воздухе и очень проголодался.

Шарлотта не стала приставать к мужу с расспросами, и он провел тихий приятный вечер возле камина, наблюдая за ее лицом, в то время как она сосредоточенно склонилась над шитьем, чиня изношенное белье. За пару лет их совместной жизни было много заплаток и починок, много обедов без мясных блюд, а когда родятся дети – будет много подержанной одежды. Но все это сейчас воспринималось как приятные заботы. Питт вдруг понял, что улыбается.

На следующее утро все изменилось.

Питт ушел из дома рано, когда октябрьская изморозь еще цеплялась за мокрые листья. Ветра не было. Сначала он пошел в полицейский участок выяснить, что может сказать ему доктор Стилвел. Обычно мрачное лицо Стилвела выглядело сегодня более суровым, чем всегда. Он угрюмо посмотрел на Питта и одним только своим видом сразу же вызвал горестные мысли о неминуемости смерти и уязвимости человека.

Питт сразу же почувствовал, что тепло и комфорт, которые он ощущал, проснувшись утром, безнадежно его покидают.

– Ну? – спросил он мрачно.

– Первый вполне нормальный, насколько я могу судить, – тихо сказал Стилвел. – Тот, что был не очень глубоко. Умер, по моим подсчетам, около шести месяцев назад, бедняжка. Не могу сказать, родился ли он мертвым или умер через день-два. – Доктор тяжело вздохнул. – Также я не могу сказать, умер ли он от естественных причин или был убит. Возможно, удушение... Оно не оставляет следов. Кстати, это девочка.

Инспектор глубоко вздохнул:

– Что по второму? Тому, который был закопан ниже.

– Как я могу заключить, тот мертв гораздо дольше, около двух лет... И снова, как и в предыдущем случае, я не могу сказать точно, был ли он мертворожденным или умер через несколько дней после родов. Но, без сомнения, он имел патологии.

– Я сам мог бы это сказать. Чем вызваны эти патологии?

– Не знаю. Это что-то врожденное, не родовая травма.

– Могло ли это быть наследственным, от родителей?

– Необязательно. Мы не знаем, чем бывают вызваны подобные случаи. Дети, такие как этот, могут родиться у кого угодно, даже в самых лучших семьях. Просто там чаще удается удержать это в тайне.

Питт задумался. Не вызваны ли эти действия стыдом перед обществом?

– Как насчет верхнего? – Он посмотрел на Стилвела. – Были ли у него патологии? Какие-нибудь проблемы с мозгом?

Стилвел покачал головой.

– Я не могу ответить на этот вопрос, но в таком возрасте невозможно предсказать, станет ли ребенок в будущем умственно отсталым. Ему было всего несколько дней от роду. Он мог быть даже мертворожденным. – Доктор поморщился. – Хотя я так не думаю. Ничего такого, что могло бы вызвать смерть. Сердце, легкие и кишечник выглядят вполне нормальными. Но, конечно, все это изрядно разложилось. Я действительно не знаю, Питт. Вы должны провести собственное расследование и выяснить, что можно извлечь из этого.

– Спасибо.

Говорить дальше было не о чем. Питт позвал Бэйти, и они молча вышли на улицу, обсаженную рядами деревьев, пахнущую гниющими листьями и влажными камнями.

Калландер-сквер опустела. Туристы, которых такая находка, возможно, привлекла бы в любом другом месте, были слишком шокированы, чтобы вторгнуться на ее элегантную брусчатку. Никаких признаков жизни в больших домах, окружавших площадь, кроме шарканья метлы на ступеньках особняков и глухого постукивания лакейских сапог. Еще слишком рано для мальчишек на побегушках, а также для поваров и горничных, которые только заканчивали сервировать завтрак своим поздно встающим хозяевам.

Инспектор подошел к ближайшему дому, поднялся по ступеням, осторожно постучал в дверь и немного отступил назад. Через несколько минут дверь открыл хорошо сложенный красивый лакей. Он смотрел на Питта тяжелым надменным взглядом. Годы тренировки научили его оценивать человека до того, как тот открывал рот. Лакей мгновенно определил, что Питт по своему социальному статусу выше торговца, но он явно не из знати, не говоря уже о том, чтобы быть джентльменом.

– Слушаю, сэр? – спросил он, чуть повысив голос.

– Инспектор Питт, полиция. – Томас встретил его взгляд спокойно, словно они были на равных. – Я бы хотел поговорить с хозяйкой дома.

Лицо лакея было непроницаемо.

– Я ничего не знаю об ограблениях в нашем доме. Вы, наверное, обратились не по адресу. Это резиденция генерала Балантайна и госпожи Огасты Балантайн.

– Хорошо. Я этого не знал. Но я побеспокоил вас из-за расположения дома. Могу я войти?

Лакей колебался. Но Питт не собирался отступать.

– Хорошо, я выясню, пожелает ли госпожа Огаста вас видеть, – неохотно сдался лакей. – Вы можете пройти внутрь и подождать в этой комнате. Я узнаю, закончила ли ее милость завтракать.

Он провел инспектора в маленькую комнату, предназначенную для утренних посетителей. Прошли долгие томительные полчаса, прежде чем дверь в комнату открылась и вошла госпожа Огаста Балантайн. Это была красивая женщина, элегантная, как тонкий фарфор, одетая в дорогом классическом стиле. Она смотрела на Питта холодно и без любопытства.

– Макс сказал, вы желаете видеть меня, мистер... э...

– Питт. Да, мэм. Если позволите.

– В чем дело? Прошу вас.

Питт посмотрел на леди Огасту. Она явно не из тех женщин, с которыми следует изъясняться недомолвками. И он начал с места в карьер:

– Вчера вечером в саду, что в центре площади, были выкопаны два тела...

Леди Огаста недоверчиво подняла брови:

– На Калландер-сквер? Не говорите глупостей! Чьи это тела, мистер... э...

– Питт, – повторил Томас. – Тела детей, мэм. Тела двух новорожденных младенцев были найдены похороненными в саду. Одного похоронили около шести месяцев назад, другого – двумя годами раньше.

– О боже! – Леди Огаста искренне огорчилась. – Какая трагедия. Полагаю, это какая-то служанка... Насколько я знаю, никто из нашего дома... Впрочем, разумеется, я проведу расследование. Если вы этого хотите.

– Я бы предпочел сделать это сам, мэм. С вашего позволения. – Питт попытался произнести эти слова твердым тоном, словно уже был уверен в ее согласии. – Естественно, я буду опрашивать жителей всех домов в этом районе.

– Конечно. Я предложила просто из вежливости. Если вы найдете что-то, имеющее отношение к нашему дому, информируйте меня. – И снова это был скорее приказ, нежели просьба. Хозяйка дома привыкла к власти, как к удобной одежде, и совершенно не находила нужным это скрывать.

Томас улыбнулся в знак подтверждения, но связывать себя конкретными обещаниями не стал.

Леди взяла колокольчик и позвонила. Появился дворецкий.

– Хакетт, мистер Питт – из полиции. В саду нашли тела двух младенцев. Инспектор будет разговаривать со слугами из всех домов, окружающих площадь. Будьте добры, найдите для него тихую комнату, где он может побеседовать с любым человеком из нашего персонала. И проследите за тем, чтобы он пообщался со всеми.

– Будет исполнено, миледи. – Хакетт посмотрел на Питта с неприязнью, но повиновался.

– Благодарю вас, леди Огаста.

Питт откланялся и последовал за дворецким в маленькую комнату в задней части дома. Должно быть, это комната экономки. Он получил список женского персонала и краткую, но существенную информацию о каждой из женщин. Ему ничего не оставалось делать, кроме как поговорить с ними. Каждая была шокирована новостью, каждая ужаснулась и пожалела младенцев. И все одинаково отрицали свою осведомленность в этом деле. Именно этого инспектор и ожидал.

Он зашел в гостиную в поисках дворецкого либо одного из слуг, чтобы сообщить, что он закончил на сегодня, как вдруг увидел еще одну молодую женщину, показавшуюся в дверном проеме. По всей вероятности, она не была служанкой. Об ее положении говорили не только шелковое платье и красивая прическа, но также походка, полуулыбка, играющая на полных губах, уверенность в себе и затаенный блеск в глазах, обрамленных густыми ресницами и бровями.

– Боже мой! – сказала она с наигранным удивлением. – Кто вы? – Она окинула его сверху донизу удивленным взглядом голубых глаз. – Вы не имеете права заходить к служанкам в столь ранний час! Вы пришли повидаться с папой? Вы его старый денщик или сослуживец?

Только Шарлотте однажды удалось нарушить самообладание Питта, и то лишь потому, что он ее любил. Томас спокойно поднял глаза и посмотрел на девушку:

– Нет, мэм, я из полиции. Я разговаривал с вашими служанками.

– Из полиции! – Молодая леди даже взвизгнула от восторга. – Чудесно! Но с какой целью?

– Для получения информации. – Инспектор слегка улыбнулся. – Обычно именно для этого полиция беседует с людьми.

– Подозреваю, вы смеетесь надо мной. – Ее глаза сияли. – Мистер...

– Инспектор Питт.

– Инспектор Питт, – повторила она. – Я Кристина Балантайн... но, я полагаю, вы уже в курсе. Какие же вопросы вы задаете? Здесь было совершено преступление?

От придумывания вежливой отговорки инспектора спас звук открываемой двери столовой. На пороге показался мужчина. По предположению Питта, это был сам генерал Балантайн. Почти такой же высокий, как и инспектор, с твердой военной осанкой, но слишком надменный, чтобы назвать его красивым. Дополняли образ голова паразитической формы, сухощавое лицо без морщин, орлиный взгляд и массивная челюсть.

– Кристина! – сказал он резко.

Она обернулась:

– Да, папа.

– Разговоры полицейского со слугами тебе вряд ли будут интересны. Тебе нечем заняться? У тебя нет писем или шитья?

Вопрос не требовал ответа, это был приказ удалиться. Кристина выполнила его, закусив губу и выпрямив спину.

Скрыв улыбку, Питт слегка склонил голову.

– Спасибо, сэр, – сказал он генералу после того, как девушка ушла. – Я был в затруднении, как ответить, чтобы не расстраивать молодую леди неприятными фактами. – Это была не совсем правда, но такое объяснение подходило ситуации.

– Вы закончили? – ворчливо осведомился генерал.

– Да, сэр. Я искал дворецкого, чтобы сказать ему об этом.

– Что-нибудь обнаружили? – Генерал бросил на него быстрый пронизательный взгляд.

– Еще нет, но я только начал. Кто живет с вами по соседству? – Питт показал в направлении южной стороны площади.

– Рядом с нами – Реджи Сотерон, – ответил генерал. – Затем молодой Больсовер на этой стороне в конце улицы. Гарсон Кэмпбелл – на другой. Летиция Доран – напротив Сотерона. Дом напротив нас на другой стороне пустует уже пару лет. На дальней стороне – сэр Роберт Карлтон и старик Хаусман, полный затворник. В доме абсолютно нет женщин, он их ненавидит, вся обслуга состоит из мужчин.

– Спасибо, сэр. Вы очень помогли. Теперь попробую побеседовать с мистером Сотероном.

Балантайн резко вдохнул, потом с шумом выдохнул. Питт ждал, но тот больше ничего не сказал.

Дом Сотерона оказался более оживленным. Инспектор услышал звонкий смех детей еще до того, как коснулся шнура колокольчика. Ему открыла одна из самых красивых горничных из тех, каких он когда-либо видел.

– Да, сэр? – спросила она совершенно формальным тоном.

– Доброе утро. Я инспектор Питт из полиции. Могу ли я побеседовать с мистером или с миссис Сотерон?

Горничная сделала шаг назад:

– Вы можете войти, сэр. Я справлюсь, могут ли они вас принять.

Питт последовал за ней в гостиную – не столь спартанского вида, как у Балантайнов, и обставленную прекрасной мебелью. Тут были блестящие игрушки на занавесях, богато обитые кресла и даже кукла, небрежно сидящая на маленьком приставном столике. Питт смотрел на прямую спину горничной, на плавные колебания ее юбки во время ходьбы и улыбнулся. Но потом почувствовал острый приступ жалости, и у него мелькнула надежда, что эта девушка не имеет отношения к тому, что было похоронено там, под деревьями.

Горничная провела его в маленькую столовую, а сама вышла. Питт услышал, как кто-то промчался по лестнице... Молоденькая горничная, помогающая слугам, или хозяйский ребенок? Могло быть и то и другое: некоторые девочки начинали работать прислугой, едва им исполнялось одиннадцать-двенадцать лет.

Дверь распахнулась, и в комнату заглянуло узкое маленькое личико с голубыми глазами. Уверенность, с которой девочка себя держала, выдавала в ней хозяйскую дочь. Волосы юной незнакомки были завиты в локоны, обрамлявшие чисто вымытые щечки.

– Доброе утро, – серьезно поприветствовал ее Питт.

– Доброе утро, – ответила она, растворяя дверь немного шире и не сводя с него глаз.

– У вас очень красивый дом, – учтиво сказал Томас, словно девочка была взрослой и дом принадлежал ей. – Вы хозяйка?

Она хихикнула, но тут же приняла важный вид, быстро вспомнив о своем положении в доме.

– Нет, я Частити Сотерон. Я здесь живу, потому что мои мама и папа умерли. Папа был братом дяди Реджи. А вы кто?

– Меня зовут Томас Питт. Я инспектор полиции.

Частити глубоко вздохнула:

– Кто-то что-то украл?
– Насколько я знаю, нет. А ты что-то потеряла?
– Нет, но вы можете меня допросить. – Частити вошла в комнату. – Вдруг я смогу что-нибудь вам рассказать.

Инспектор улыбнулся:

– Я уверен, что ты могла бы рассказать мне много интересного, но я еще не знаю, какие вопросы тебе задавать.

Девочка хотела сесть, но дверь снова распахнулась и вошел Реджинальд Сотерон. Это был располагающий к себе мужчина – широкоплечий, с мясистым лицом.

– Частити, – добродушно сказал он, – Джемайма будет искать тебя. Ты должна быть на уроке. Сейчас же иди наверх.

– Джемайма – моя гувернантка, – объяснила Питту девочка. – Я должна быть на уроке. Вы придете к нам снова?

– Частити! – повторил Сотерон.

Девчушка сделала Питту реверанс и побежала наверх.

Сотерон стал несколько серьезнее, но чувство юмора не покинуло его.

– Мэри Энн сказала, вы из полиции. – В его голосе сквозило недоверие. – Это правда?

– Да, сэр. – И снова не было никакого смысла изъясняться уклончиво. Питт как можно более четко объяснил цель своего визита.

– О боже! – Реджи Сотерон сел, его обычно багровое лицо побледнело. – Что за... – Он, видимо, передумал продолжать мысль и произнес более хладнокровно: – Какая ужасающая трагедия! Это очень печально. Уверяю вас, я не знаю ничего, что могло бы вам пригодиться.

– Естественно, – лицемерно согласился Питт. Он посмотрел на широкий рот хозяина дома, на его полные щеки и мягкие ухоженные руки с маникюром. Безусловно, тот ничего не знал о закопанных в саду на площади телах. Но не знал он об этом не потому, что не хотел, а скорее потому, что ему просто повезло. – Но я бы желал получить разрешение допросить ваш персонал.

– Мой персонал? – Сотероном тут же снова овладело беспокойство.

– Сплетни из помещений для прислуги очень помогают, – сказал Питт. – Даже те, кто никоим образом не вовлечен в это дело, могут что-то знать. Слово – здесь, фраза – там...

– Конечно. Да-да, я полагаю, именно так. Хорошо. Раз вы должны... Но я вынужден попросить, чтобы вы не расстраивали их больше, чем это необходимо. Так трудно найти хорошую прислугу в наше время. Я уверен, вы понимаете... Нет-нет, конечно же, вы бы и не стали этого делать... – Сотерон забыл о своем покровительственном тоне. – Хорошо. Полагаю, это неизбежно. Скажу дворецкому, чтобы он за всем проследил. – Он заставил себя подняться и вышел, не сказав больше ни слова.

Питт поговорил по очереди со всеми слугами, сообщил об этом дворецкому и распрошлся.

Расспросы заняли большую часть утра, и вот уже наступило время ланча. После обеда Томас Питт вернулся на Калландер-сквер. Было два часа пополудни, когда он постучался в третью дверь. Этот дом, согласно пояснениям генерала Балантайна, принадлежал доктору Фредерику Больсоверу и его супруге. Во время ланча Томас снова повидался со Стилвелом и спросил его, не сталкивался ли тот с Больсовером по работе.

– Мы с ним в разных категориях. – Стилвел скорчил рожу. – Он за месяц зарабатывает больше, чем я за год. Во всяком случае, он должен столько зарабатывать, чтобы жить на Калландер-сквер. Доктор из высшего общества, утешает страдающих ипохондрией дам, для которых нет ничего более интересного, чем жаловаться на свои болезни. Можно иметь весьма обширную практику, если обладать терпением и

приятными манерами. Судя по тому, что я слышал, у Большовера все это есть. Хорошая семья и нужные знакомства помогли ему открыть свое дело.

– Хороший доктор? – спросил Питт.

– Понятия не имею, – пожал плечами Стилвел. – Это имеет какое-нибудь значение?

– Думаю, никакого.

Дверь в доме Большовера открыла чем-то удивленная горничная, маленькая и бойкая, но по-своему привлекательная, – как и та, что встретила Томасу в предыдущем доме. Несомненно, горничных выбирают за их внешность. Эта отнеслась к инспектору с некоторой настороженностью. Он не был из тех людей, которых принимают с парадного входа, а время приема посетителей тоже еще не наступило. Этот человек явился по крайней мере на час-полтора раньше положенного, а кроме того, обычно доктора посещали дамы, для которых это было чем-то вроде светского ритуала.

– Да, сэр? – спросила девушка после небольшой паузы.

– Добрый день. Могу я поговорить с миссис Большовер, если она дома? Меня зовут Питт, я из полиции.

– Из полиции?

– Если мне будет позволено... – Он сделал шаг в дом, и служанка нервно отступила.

– Миссис Большовер ожидает посетителей, – торопливо проговорила она. – Я не думаю...

– Это важно, – настойчиво сказал Питт. – Пожалуйста, попросите ее.

Девушка все еще колебалась. Инспектор знал – она беспокоится, как бы он не оказался возле парадной двери, когда придут посетительницы. Это поставит ее хозяйку в неловкое положение. В конце концов, уважаемые люди не впускают полицейского в дом, тем более с парадного входа.

– Чем скорее вы пригласите ее, тем раньше я закончу свои дела. – Питт постарался быть убедительным.

Горничная приняла его доводы и поспешила согласиться. Что только не сделаешь, чтобы убрать полицейского от парадных дверей!

Софи Большовер была очень привлекательной женщиной, не в пример своей горничной, которой не мешало бы посидеть на диете, надеть шелковое платье, а также завить и уложить волосы.

– Добрый день, – быстро поздоровалась миссис Большовер. – Полли говорит, вы из полиции.

– Да, мэм.

Питт понимал ее беспокойство о своем социальном статусе и поэтому бегло изложил суть дела, после чего попросил позволения поговорить со служанками – так же, как он делал в других домах. Разрешение было дано немедленно, и его почти насильно выдворили в комнату экономки, чтобы разговоры велись не на глазах у посетителей. Инспектор начал с Полли, дабы та поскорее освободилась и вернулась к своим обязанностям до того, как придет первый посетитель.

Инспектор не узнал ничего нового, кроме имен. Теперь следует сохранить их в памяти, затем поработать над ними, отбросить маловероятные кандидатуры. Возможно, явное давление и присутствие полицейского в доме кого-то перепугало и этот человек что-то утаил. Да и мог ли кто подозревать, что личная любовная трагедия или грязная связь приведут к смерти малюток?

Кэмпбеллы и Дораны, как и сказал генерал Балантайн, в данный момент отсутствовали. Инспектор пропустил и следующий дом, будучи уверен, что живущий затворником Хаусман нанимает в слуги только мужчин. Был уже пятый час, когда он постучал в дверь последнего дома, который принадлежал сэру Роберту и леди Карлтон.

Дверь открыла напуганная горничная:

– Да, сэр?

– Инспектор Питт, из полиции. – Он знал, что грубо вторгается в частную жизнь хозяев, ведь это было самое неподходящее время для посещений. В такой час строгий этикет социальных отношений соблюдался буквально. Вплоть до того, что жесткие правила о сословиях указывали, кому позволительно войти в дом, а кому разрешено просто оставить визитную карточку, чей визит допустим и чей может быть отвергнут, кому с кем позволительно разговаривать и на каких условиях. Принимать полицейского в это время дня – чрезвычайное событие. Питт постарался сделать свой визит по возможности безобидным.

Хозяев дома не удивил его приход. Местные сплетни уже давно дошли до них, принеся с собой информацию о том, с кем он встречался и о чем спрашивал. Вероятно, имелись даже детальное описание его внешности и точная оценка его положения в обществе.

Горничная тяжело вздохнула:

– Будет лучше, если вы войдете. – Она отступила на шаг, осматривая его с опаской и недоверием, словно он мог занести в дом преступление, как заразную болезнь. – Пройдемте к дальним комнатам, мы найдем там место для вас. Конечно, миссис не сможет принять вас. У нее посетители. Леди Тауншенд, – добавила она с гордостью. Питт был не в курсе насчет значимости леди Тауншенд, но попытался выглядеть впечатленным. Горничная, увидев выражение его лица, смягчилась. – Я позову мистера Джонсона, – добавила она. – Он дворецкий.

– Благодарю вас. – Инспектор сел туда, куда ему указали, и девушка умчалась.

С утра Шарлотта Питт приводила дом в порядок. Это заняло у нее не более часа. После чего она послала свою единственную домработницу за газетой, чтобы узнать, что же произошло такого, о чем Томас ей не сказал. До замужества отец запрещал ей читать прессу. Как и многие другие мужчины благородного воспитания, он был уверен, что газеты безнравственны и не годятся для женского чтения. Там мало что печатали, кроме статей о преступлениях и скандалах. А политические статьи, разумеется, находятся за пределами женского понимания и потому тоже для них нежелательны. Чтобы удовлетворить свое любопытство, Шарлотте приходилось подкупать дворецкого или действовать с молчаливого согласия мужа сестры, Доминика Корда. Она улыбнулась при мысли о том, как была влюблена в Доминика в те дни, когда Сара еще была жива. Затем улыбка исчезла. Смерть Сары еще причиняла ей боль, и страсть к Доминику давно остыла, перейдя в дружбу.

Шарлотта была шокирована и напугана, обнаружив, что влюблена в неуклюжего и нахального полицейского. Нарушив ее спокойную жизнь, он рассказал ей о мире, о котором она никогда раньше не знала, мире мелких мошенников и отчаянной изматывающей бедности, доводящей до безумия. Собственный комфорт, ранее ею не замечаемый, стал для нее оскорбителен. Ее суждения о жизни изменились.

Конечно, родители были потрясены, когда Шарлотта объявила им, что собирается выйти замуж за полицейского, но постарались отнестись к этому по возможности благосклонно. В конце концов, она сама несет ответственность за свое положение на рынке невест, а ее прямота делала их дочь не самой выгодной партией. Шарлотта была достаточно привлекательной, Питт так и вовсе считал ее красавицей. Однако у нее не было столько денег, чтобы ей простили своенравие и острый язычок, считавшиеся большим недостатком в глазах любого джентльмена ее круга. Бабушка уже потеряла всякую надежду и была искренне убеждена, что бедняжке Шарлотте суждено остаться старой девой. Брак Эмили с лордом Эшвордом стал своеобразной компенсацией неравного брака средней из сестер. А с таким позорным пятном, как убийство в доме, Эллисоны перестали быть семьей, альянс с которой был бы желанен.

Томас относился к Шарлотте гораздо строже, чем она того ожидала. Несмотря на свою искреннюю глубокую любовь, он не терпел возражений, как и все остальные

мужчины, которых она знала. Шарлотта была поражена и поначалу даже сопротивлялась, но в глубине души была этому рада. Она боялась признаться себе в своих опасениях: при столь разном социальном положении и из-за любви к ней он мог позволить ей подмять его под себя и главенствовать в семье. Втайне Шарлотта обрадовалась, когда поняла, что муж не намерен делать ничего подобного. Конечно, при первой ссоре она плакала, даже устроила сцену, показывая ему свой характер и свою обидчивость. Но, тем не менее, когда она пошла спать, внутри нее все пело от счастья. Муж тогда подошел к ней и мягко обнял, но все-таки не позволил поступить так, как она хотела.

Томас никогда не возражал против того, чтобы она читала прессу, и когда служанка вернулась со свежей газетой, нетерпеливые пальчики миссис Питт пробежались по всем страницам, чтобы найти сообщение о преступлении на Калландер-сквер. Она не нашла его с первого захода. Пришлось искать более тщательно, прежде чем удалось обнаружить маленькую заметку, длиной всего два дюйма, очень коротко сообщавшую, что в саду найдены два младенческих тельца и что под подозрением находятся служанки из близлежащих домов.

Шарлотта немедленно поняла, почему Питт скрыл от нее этот факт. Она ожидала их первенца. Сама мысль о некоей служанке, одинокой девушке, брошенной любовником и изо всех сил тщившейся сохранить источник дохода, была ужасна. Шарлотта похолодела, представив эту картину, и когда отложила газету, уже не могла выбросить историю из головы. Возможно, она сумела бы помочь бедняжке, если бы ее уволили. Такая возможность имелаась.

Разумеется, сама она не могла предложить девушке работу, у нее этой работы просто не было. Но Эмили... Сестра богата и, как подозревала Шарлотта, немного мается от скуки. Прошло два года с момента ее замужества, а она уже перезнакомилась со всеми влиятельными друзьями Джорджа Эшворда, а также переносила кучу превосходной одежды и побывала во всех модных местах. Возможно, эта история немного встряхнет сестру. Шарлотта приняла решение немедленно: сразу же после обеда она навестит Эмили. Пораньше – так, чтобы не столкнуться с ее более влиятельными посетителями, но до того, как Эмили сама куда-нибудь уедет.

Ровно в два часа Шарлотта прибыла к парадной двери лондонского дома Эмили на Тависток-сквер. Горничная знала ее ипустила без объяснений. Шарлотту препроводили в гостиную с зажженным камином, и буквально через минуту туда вошла Эмили. Она уже была одета для послеобеденного визита. Леди Эшворд выглядела изумительно в своем бледно-зеленом шелковом платье с бархатными темно-коричневыми лентами. Должно быть, этот наряд стоил больше, чем Шарлотта тратила на одежду за полгода. Лицо Эмили осветилось радостью. Она нежно, с неподдельной теплотой поцеловала сестру.

– Дорогая, если ты собираешься навещать меня чаще, я должна предупредить тебя о наиболее удобном времени для визита. Не стоит приходить раньше трех – и это самое раннее. Благородные леди навещают друг друга еще позже.

– Я пришла к тебе не для светской беседы, – возразила Шарлотта. – У меня и мысли такой не было. Я пришла к тебе за помощью, если ты сможешь оказать мне одну услугу. И, конечно, если ты заинтересуешься.

Эмили подняла светлые брови, ее глаза засияли:

– Какая помощь? Только не благотворительность, вот уж уволь!

Шарлотта знала свою сестру очень хорошо, чтобы беспокоить ее такими просьбами.

– Разумеется, нет, – резко сказала она. – Преступление...

– Шарлотта!

– Не совершать, дуреха. Помочь после того, как оно будет раскрыто.

Даже вновь приобретенные манеры не помогли Эмили скрыть охватившее ее возбуждение.

– Мы сможем раскрыть его? Сможем помочь? Если мы...

– Это не обычное преступление, Эмили, не воровство или нечто подобное, – поспешно проговорила Шарлотта.

– И что же это такое? – Эмили ничуть не выглядела расстроенной.

Шарлотта просто забыла, насколько сдержанной была ее сестра и как легко она приспособивалась к любым ситуациям. В тот день, когда Эмили надумала выйти замуж за лорда Джорджа Эшворда, она легко приняла тот факт, что у него множество недостатков и что вряд ли она его от них избавит, если только от парочки самых невинных. Но она приняла решение и считала, что ее брак – выгодная сделка. Эмили никогда не жаловалась. Впрочем, Шарлотта не была уверена, есть ли ей на что жаловаться.

– Ну боже мой, Шарлотта! – подстегнула сестра. – Неужели это так ужасно, что у тебя язык не поворачивается сказать? Я никогда не думала раньше, что ты не можешь найти нужных слов.

– Нет, это действительно очень печально. Два младенческих тельца были выкопаны в саду в центре Калландер-сквер.

Удивительно, но Эмили была потрясена.

– Младенцы?!

– Да.

– Но кто решился бы убить младенца? Это безумие.

– Служанка... незамужняя, разумеется.

Эмили нахмурилась:

– И ты хочешь узнать, кто это сделал? Зачем?

– Я не хочу узнать, кто это сделал, – раздраженно сказала Шарлотта. – Но если они умерли при рождении, что кажется вполне вероятным, возможно, ты могла бы найти бедняге другое место работы, если ее уволят.

Леди Эшворд уставилась на сестру. Мысли, проносившиеся в голове, явственно отражались на ее лице.

Шарлотта ждала.

– Я знаю кое-кого из жителей Калландер-сквер, – наконец заговорила Эмили. – По крайней мере, Джордж знает. Это Брэнди Балантайн. Его отец – генерал или кто-то в этом роде. Я уверена, они живут на Калландер-сквер. У него есть сестра Кристина. Я попрошу Джорджа познакомить нас. При желании это можно организовать. Затем я встречу с ней... – От возбуждения ее голос звенел и щеки побледнели. Настроена она была явно решительно. – Мы должны узнать, что произошло в действительности. Я могу выяснить то, что полиция никогда не узнает, потому что я вхожу в нужный круг людей. Они согласятся поговорить со мной. А ты можешь побеседовать со слугами. Конечно, со слугами высокого статуса – поварами, гувернерами и тому подобное. Естественно, не стоит рассказывать им, что ты жена полицейского. Мы начнем немедленно. Как только Джордж вернется домой, я с ним поговорю, и он все организует.

– Эмили...

– Что? Я думала, ты ищешь моей помощи. Мы не можем знать, что должно предпринять в данной ситуации, пока не знаем правды. Надо выяснить ее – и либо прекратить это дело, либо скрыть его, либо, возможно, просто забыть о нем. Но если мы начинаем что-то делать, не зная истинного положения вещей, то можем натворить непоправимые ошибки.

Шарлотта смотрела в озорные глаза Эмили, и ее здравый смысл буквально вопил о том, что нужно немедленно отказаться от задуманного...

– Мы должны действовать очень скрытно. – Здравый смысл потерпел фиаско.

– Само собой! – Эмили сникла. – Моя дорогая Шарлотта, я, наверное, не продержалась бы в этом обществе целых два года, если бы не научилась говорить что угодно, только не то, что я действительно думаю. Я – само благоразумие. Нам стоит начать сразу же. Иди домой и узнай все, что сумеешь. Мне кажется, ты не сможешь быть

скрытной, тебе это никогда не удавалось. Но хотя бы не рассказывай никому о наших планах. Мистеру Питту это вряд ли понравится.

Недооценка способностей Шарлотты была слишком явной. Тем не менее она встала, намереваясь спокойно обдумать то, что услышала. Ее пощипывал страх, да и возбуждение Эмили было чрезмерным.